

Когда прозвенел звонок с уроков, Ван Мо как раз дописывала последнюю строчку конспекта.

Она убрала руку не быстро и не медленно: щелкнул колпачок ручки, тетрадь захлопнулась и полетела в ранец. Вокруг, спереди, сзади и по бокам, раздавался непрекращающийся скрежет ножек стульев о пол. Она застегнула молнию рюкзака и направилась к выходу.

Выйдя за ворота школы, она не стала поворачивать в сторону дома. Прошла первый перекресток, не останавливаясь, на втором тоже не свернула, а на третьем повернула налево и нырнула в узкий переулок. Стены по обеим сторонам сжимали небо в узкую серо-голубую ленту.

В конце переулка протекала та самая река.

Она остановилась у входа в переулок и увидела ее. Узкое русло прорезало старые кварталы насквозь, берега были застроены обветшалыми стенами, над ними склонялись искривленные деревья. Вода была черной — не глубоким природным черным, а непроницаемым, затянутым масляной пленкой. Поверхность блестела от жира, отливая в полуденном свете жутковатыми радужными разводами.

Она шагнула вперед и присела на корточки.

У берега наполовину погрузились в воду пластиковые пакеты — белые, красные, прозрачные. От воды тянулась сухая ветка, на конце которой болталась запутавшаяся тряпка неопределенного цвета. На глади не было ни ряби, ни насекомых, ни ряски. Она напоминала неподвижную черную шкуру, наброшенную на землю.

Она сняла с плеч рюкзак, опустила его позади себя и протянула правую руку.

Кончик указательного пальца коснулся воды. Вода оказалась холоднее, чем она думала, а на ощупь — маслянистой и скользкой, будто коснулась чего-то запретного. Она не отдернула руку, позволив пальцу задержаться на секунду: масляная пенька вокруг расійнулась крошечным кругом и вновь медленно затянулась.

Она отдернула руку, на кончике пальца остался серый водяной след. Перевернув запястье, она потерла палец о край рукава, и на ткани осталась серая полоса.

Система спросила: — С чего начнем?

Она бросила взгляд вверх по течению: на изгибе речного берега темнел бетонный желоб водостока, квадратный, с обросшими темной грязью краями. Вода, вырывавшаяся из отверстия, была серовато-белой, с пеной; вливаясь в реку, она постепенно темнела.

— Начнем отсюда.

Она раскрыла тетрадь. Зажатая между страницами ручка была куплена вчера в канцелярском магазинчике у школьных ворот: черный корпус, в руке лежит привычнее прежней. Опустив голову, она вывела несколько аккуратных строк.

Дата, время. Вода черная, непроницаемая, сильное нефтяное загрязнение. Запах слабый, едкий. Плавающие отходы — пластиковые пакеты, площадь покрытия масляными пятнами около восьмидесяти процентов. Живых организмов визуально не обнаружено.

Закончив писать, она помедлила секунду и добавила: Предположительно, выше по течению находится источник загрязнения.

Она закрыла колпачок, зажала тетрадь подмышкой и сделала несколько шагов вдоль берега вверх по течению. Каждые несколько шагов она останавливалась, чтобы взглянуть на воду, и шла дальше. У подножия стен росла трава — желтоватая, прижатая к земле и искривленная, словно ее придавливало что-то невидимое. На стене тянулась темная полоса от воды: когда-то уровень поднимался до этой отметки, и все, что ниже, было выкрашено в черный цвет.

Она остановилась под мостовым пролетом.

Под мостом царил полумрак, не было видно даже отражения воды — лишь расстеленный темный отрез шелка, застывший в полной неподвижности. Она стояла у самого края пролета, прямо у воды торчала та же сухая ветка с завязанной на ней тряпкой, первоначальный цвет которой уже невозможно было угадать.

Она присела на корточки и добавила строчку: В районе мостового пролета уровень загрязнения возрастает.

Затем подняла голову, и ее взгляд сквозь пролет уперся в тот самый бетонный водосток. Серовато-белая вода, выплескивающаяся из отверстия, пенилась в лучах солнца, а попадая в реку, темнела слой за слоем, словно кто-то медленно капал чернила в чашку с чистой водой.

Она не отрывала глаз от водостока. Вода извергалась оттуда с пеной и мутой, сливалась с черной водой, и не было в ней ни единой живой твари.

— Далеко еще до верховьев? — спросила система.

— Еще немного.

Она поднялась, поудобнее перехватила тетрадь и продолжила путь вдоль берега. На повороте солнце било прямо в реку, и свет слепяще отражался от масляной пленки. Она прищурилась, прикрыла глаза рукой, но шаг не замедлила.

Земля у берега была влажной, ноги немного проваливались. Подошвы облепила грязь, при

ходьбе раздавался глухой чавкающий звук. Не опуская головы, она смотрела только вперед, на водосток.

Приблизившись к водостоку вплотную, она остановилась.

Вода вырывалась из бетонной трубы серовато-белой, разбивалась о прибрежные камни и разлеталась брызгами. Присев на корточки, она подставила ладони под струю и зачерпнула пригоршню. Вода утекла сквозь пальцы, оставив на ладони серовато-белый осадок. Указательным пальцем другой руки она провела по центру ладони: осадок скатался в тончайший налет, похожий на мелкий песок.

Она принюхалась: слабый металлический привкус смешивался с запахом химикатов — едва уловимым, но достаточным, чтобы распознать.

Она вытерла осадок о прибрежный камень, поднялась, отступила на два шага и огляделась. Над водостоком тянулся забор старого завода, на нем висела наполовину оторванная табличка; можно было разобрать несколько букв, похожих на название какой-то компании, но что именно там было написано, уже не угадывалось.

— Это исток, — сказала она системе.

Достав тетрадь, она зачеркнула слово предположительно в недавней записи об источнике загрязнения и написала сверху подтверждено. Рядом поставила текущую дату и время, а затем захлопнула блокнот.

Она постояла на месте еще немного. Звук выливающейся из трубы воды был монотонным и непрерывным, пена расплывалась по поверхности, белела, постепенно серела и смешивалась с черной речной водой.

Она повернулась и зашагала обратно. Шаг ее был мерным — ни быстрым, ни медленным. Проходя под мостом, она бросила взгляд на торчащую из воды сухую ветку с тряпкой, но не остановилась. Миновала желтеющую траву у стены, темный след от воды, место, где присаживалась в первый раз, и вышла из переулка.

С выходом из переулка на нее снова пал солнечный свет. Она моргнула, взглянула на серую полосу на рукаве и попыталась соскрести ее ногтем, но та не сошла — въелась в саму текстуру ткани.

— Пойдем, — произнесла она. — Завтра придем снова.

Она сунула тетрадь в рюкзак, застегнула молнию и направилась домой. Небо над головой оставалось синим, облаков почти не было, ветер стих — стояла та самая погода, в которую приятно провести время на улице. Она не поднимала головы. До нее доносился запах той

самой воды, оставшийся на пальцах — слабый, примесь железа и неопикуемой химической вони.

Она еще раз потерла пальцы о рукав и зашагала дальше.

<http://bllate.org/book/21190/2145447>